

DOI 10.33920/nik-01-2312-02

УДК 82.161.1

Образ «нашего дома» в творчестве В.Д. Пришвиной¹

The image of “our house” in the works of V.D. Prishvina

© **Федосеева (Акимова) Мария Сергеевна**,
ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук»
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
E-mail: makanja@list.ru
ORCID ID: 0000-0001-6051-3949
Fedoseeva (Akimova) M.S.,
PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences
E-mail: makanja@list.ru

Статья поступила 09.08.2023.

В статье на материале прозы В.Д. Пришвиной, в первую очередь книги «Наш дом», исследуются особенности усадебно-дачного топоса в ее творчестве. Особенности книги: ее мемуарный и литературоведческий характер, привлечение большого количества дневниковых записей М.М. Пришвина, — позволяют автору также исследовать основные черты усадебного топоса в текстах Пришвина. Отдельное внимание уделено анализу взаимосвязей между усадебостроением и литературным творчеством, вопросам организации в усадьбе музейного пространства.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина, Дунино, усадьба, музей, усадебный топос.

In the article, based on the material of V.D. Prishvina's prose, first of all, the book “Our House” examines the features of the manor-country topos in her work. The features of the book — its memoir and literary character, the involvement of a large number of diary entries by M.M. Prishvin — allow the author to also explore the main features of the manor topos in Prishvin's texts. Special attention is paid to the analysis of the relationship between estate construction and literary creativity, the organization of museum space in the estate.

Key words: M.M. Prishvin, V.D. Prishvina, Dunino, manor, museum, manor topos.

В.Д. Пришвина была не только верным другом и помощником М.М. Пришвина, но и талантливым литератором, автором книг «Наш дом» (1977), «Пришвин в Дунино» (1978), «Круг жизни» (1981), «Путь к слову» (1984), «Невидимый град» (2002). Образ «нашего дома» наиболее ярко воплотился в одноименной книге «Наш дом». Определить ее жанр трудно: это и путеводитель, и мемуары, и литературоведческое исследование, объединенные точным и одновременно расширительным заглавием. С одной стороны, в ней звучит отсылка к первому

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051. <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

названию книги Пришвина «Лесная капель» — «Мой дом», с другой — это описание жизни Пришвиных в Дунине, наполненной любовью и единомыслием. Слово «наш» в заглавии так же важно, как слово «дом». Автор строит повествование с опорой на дневники Пришвина, делая выборку и расставляя записи «в определенной смысловой последовательности», чтобы «донести до читателя тон жизни и мысли Пришвина» [Пришвина 1977: 287], а также помещает свои воспоминания и наблюдения, деликатно разъясняя и углубляя текст Пришвина, смотря на него и «изнутри», и «извне» и расширяя временные границы повествования на правах хранителя и летописца Дунина после ухода Пришвина.

С одной стороны, Валерия Дмитриевна неоднократно подчеркивает, приводя цитаты из дневника Пришвина, что «дом для него — это вся земля с ее воздухом, светом и всем, на ней живущим» [Пришвина 1977: 155]. Книга открывается цитатой об этом: «Тот маленький дом, в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц: птицы вылетают на большой простор, предоставляя гнездо дождям и бурям, а человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело свое почувствовать вместе со всей землей, ее воздухом, светом, водой, огнем и всем населением, как свой собственный дом» [Пришвина 1977: 1]. Но одновременно, комментирует Валерия Дмитриевна, «в этот прекрасный и сложный мир входит и дунинский дом; в последние годы писателя он — опорная точка для его поэтической мысли в ее труде, в ее движении» [Пришвина 1977: 155]. И первое издание книги открывают фотография Пришвина в окне дома в Дунине и заставка — изображение этого дома.

Валерия Дмитриевна приводит множество фактов, которые свидетельствуют о том, что Пришвин долгие годы шел к устройству своего дома [см. Константинова, Кнорре] через скитания, трудности, сомнения, более или менее удачные попытки (в Загорске, Рузине, Пушкине). То он пишет, что дом — это заботы и хлопоты, что «каждое место кажется прекрасным, если самим хорошо...» [Пришвина 1977: 62], то жаждет этого «какого-то своего еще не осуществленного прекраснейшего дома» [Пришвина 1977: 61], «божественного (и семейного) лада», «связанного с каким-то “дворянским гнездом”» [Пришвина 1977: 120], места, где можно «вернуться к самому себе», «стать на свой корень» [Пришвина 1977: 149]. После встречи с Валерией Дмитриевной дом становится необходимым и для обеспечения условий будущей жизни ее — «прижизненного сотрудника и литературного наследника» [Пришвина 1977: 95]. И в Дунине Михаил Михайлович обретает такой дом.

Пришвины констатируют значимость, предначертанность Дунина. Валерия Дмитриевна из будущего, из становящегося музея, видит судьбоносность в ее посещении Дунина в далеком 1930 г. [Пришвина 1977: 44]. Пришвин в дневнике записывает: «Мне кажется, к этой даче ведет меня судьба (то есть сила сверхличная)» [Пришвина 1977: 70]. Им обоим свойственно «искать на всех гранях жизни объединяющий их смысл <...> целесообразность» [Пришвина 1977: 33]. Одной из таких подспудных целей у Михаила Михайловича было возвращение в утраченную горячо любимую усадьбу Хрущево [Пришвина 1977: 2]. Валерия Дмитриевна отмечает, что у Пришвина «возникают постоянные сравнения с любимым хрущевским домом и садом под Ельцом, где он родился и провел детство» [Пришвина 1977: 72]; ему кажутся схожими природа, местное общество. В интерьере напоминает о Хрущеве висящий на стене рядом с фотографиями и другими картинами — и это характерная черта усадебности — «особо ценный

для нас» [курсив мой. — М.Ф.] пейзаж двоюродной сестры Пришвина «Хрущево» 1913 г., «духовное питание» [Пришвина 1977: 317] Михаила Михайловича. В саду напоминают о Хрущеве посаженные Валерией Дмитриевной вишня «владимирка» и груша-бессемянка. Их посадку Пришвин называет «подвигом любви» [Пришвина 1977: 131], а плодоношение их становится культурно значимым. Воспоминание о прошлой усадьбе становится способом обустройства быта и бытия на новом месте (можно говорить об «усадебном габитусе», см. [Богданова: 92–93]). В Дунине Михаил Михайлович как будто вновь пережил ряд событий своей жизни (звездное небо напомнило путешествие в Киргизию, стук топора — Балахонские хутора гр. Бобринского и др.), «вернул себе все» [Пришвина 1977: 107], прочувствовал связь времен (недаром другая книга Валерии Дмитриевны о Пришвине называется «Круг жизни»). Валерия Дмитриевна размышляет: «Что такое достойная, даже счастливая старость в понимании Пришвина? Это итог жизненного труда, это полнота, это завершение круга: конец жизни смыкается с ее началом. <...> Эту свою прекрасную старость Пришвин провел в деревне Дунино под Москвой. Название “Дунино” будет означать для нас не только местность, но и определенный строй души, образ жизни и содержание работы» [Пришвина 1977: 26–27]. «Пусть это лишь частная попытка победить разделение в жестокой природе и жестоком человеческом общежитии, частная попытка создания гармонии» [Пришвина 1977: 286], но она состоялась: в Дунине было гармоничное со-бытие, дружба людей, природы, вещей [Пришвина 1977: 124]; неизменные составляющие дунинской жизни — любовь, плодотворное творчество, общение с самыми разными и одинаково интересными людьми, прекрасная «неогороженная» [Пришвина 1977: 61] природа, которая давала утешение, силы и сюжеты, была «мастерской» Пришвина [Пришвина 1977: 252].

Дунино стало для Пришвина возвращением в усадьбу (он называл Дунино и дачей, и усадьбой). Здесь были вполне усадебные занятия и досуги — но уже на новом временном витке жизни: работа за письменным столом в кабинете, на террасе или под елями за полуприродным креслом из пня и горбыля, езда на машине и обслуживание ее, фотография, прогулки, беседы с каждым, кто искал его общества, причем «каждый со своим лицом, со своим делом» [Пришвина 1977: 255], «общение с предметами культуры, искусства» [Пришвина 1977: 32–33], например, «частое и глубокое» [Пришвина 1977: 263] слушание музыки, что стало возможным после приобретения радиоприемника.

В описании Валерии Дмитриевны Дунино предстает как вполне усадебное пространство (кстати, отметим, что ее жизнь была связана с усадьбами — и дворянскими, и купеческими, и провинциальными, и столичными²): исторический дом, в котором бережно хранится память; вокруг сад, «дающий впечатление запущенности старых садов» [Пришвина 1977: 142], где растет *молодой*

² В книге «Невидимый град» Пришвина вспоминает детские годы (начало XX в.), где «среди деревень разбросаны были дома помещиков. Они медленно ветшали, а сады сдавались в аренду и гибли без ухода <...>» [Пришвина 2002: 15], потом молодость, пришедшуюся на годы революции и Гражданской войны, когда она волею судеб оказалась воспитательницей в детском санатории, расположенном в усадьбе Узкое (гл. 2, 3), и ощутила гармонию поэзии, природы и пространства — то, что обретет позже и в Дунине, а потом в детском доме в купеческом особняке на Малой Никитской. «Мы жили в дворянской усадьбе, потом в роскошном купеческом доме, теперь перебрались в подвал» [Пришвина 2002: 171–172], — подытожит она в начале 1920-х гг.

жасмин «старинного усадебного сорта» [Пришвина 1977: 125] (курсив мой. — М.Ф., обратим внимание на связь времен); на территории есть места работы и отдыха, места памяти: ели, помнящие события военного времени, могилки домашних любимцев — спаниеля Норы и сеттера Джали [Пришвина 1977: 144]; в саду «два молодых дубка выращены <...> из желудей, привезенных из Михайловского от А.С. Пушкина, третий, постарше, — из яснополянского желудя от Л.Н. Толстого» [Пришвина 1977: 145]; после смерти Пришвина берегутся сорта многолетников — как память [Пришвина 1977: 142]; усадьба граничит с «дикой» природой (лесом, рекой) и т.д.

Валерия Дмитриевна описывает мощный историко-культурный контекст Дунина и окрестностей — звенигородской земли, «которая прямо-таки дышит жизнью народного подвига и искусства» [Пришвина 1977: 91]. Сама усадьба была с историей, восстановленные события которой Пришвина подробно излагает по сохранившимся историческим документам, воспоминаниям, разного рода следам (как то: старые обои, садовые растения, солдатский котел, «следы от разрывов снарядов и бомб» [Пришвина 1977: 94]), начиная с XVIII в., когда это была дача села Козина (слово «дача» она предлагает понимать в прямом его значении дара, как оно и разумелось в XVIII в. [Пришвина 1977: 84], и такой, видимо, воспринимается и Пришвиными), и заканчивая современностью [Пришвина 1977: 84–89]. «Став минимальным по топографическому измерению, участок этот, представлявший некогда материальную ценность для владельца, ценен нам теперь совсем в ином его значении: теперь это памятник нашей культурной истории, причем не только место памяти о писателе М.М. Пришвине, но и место, где в конце XIX и начале XX века проходила жизнь еще многих других русских культурных и общественных деятелей» [Пришвина 1977: 84]. Валерия Дмитриевна приводит имена целой плеяды как известных людей (С.Т. Коненков, П.П. Кончаловский, А.С. Голубкина и др.), так «мало кому ведомых, но равно достойных» [Пришвина 1977: 91] — в этом Пришвины единомышленники. Им важно также, что с дунинской усадьбой связаны «русские правдоискатели XIX и начала XX века» [Пришвина 1977: 91]; упоминания о том, что «владение было не из богатых», а ряд владельцев — «не высокой породы» [Пришвина 1977: 85], нельзя считать лишь реверансом в сторону цензуры — оно было и следствием убеждений автора.

Значительное внимание Валерия Дмитриевна уделяет раскрытию разнообразных, подчас противоречивых взаимоотношений усадьбы и литературного труда. С одной стороны, усадьба обустроивалась за вырученные от литературы средства. Валерия Дмитриевна приводит и разъясняет запись Пришвина в дневнике: «Мой дом над рекой Москвой — это чудо. Он сделан до последнего гвоздя из денег, полученных за сказки мои или сны» [Пришвина 1977: 80]. Михаил Михайлович пишет о «литературности» своего дома [Пришвина 1977: 152] еще и в том смысле, что его обустройство принесло ему такое же удовлетворение, как написание произведения; это была сублимация творческой энергии в ту или иную сферу [Пришвина 1977: 133]. Как агроном в прошлом, Пришвин сравнивает отремонтированную дачу с «урожаем своего весеннего сева» [Пришвина 1977: 80], с поспевающим яблоком и с поспевающей мыслью. Этой же образностью, растительной метафорикой будет пользоваться и Валерия Дмитриевна, в частности, описывая распространение творчества Пришвина (словно ростки малины и жасмина по соседним участкам): «Клочок земли, на котором стоит дунинский дом, засеян писателем многолетними семенами (он когда-то был

агрономом, и мы законно прибегаем здесь к этой метафоре). Семена всходят и дают множество побегов: это мысли, образы, живые люди, постепенно создающееся их единство...» [Пришвина 1977: 330–331]. Сад фиксировал некие литературные события: например, в честь окончания повести (ставшей последней) Пришвин посадил елочку; липовую аллею Пришвин иронически называл «аллеей Пришвина имени Горького», имея в виду поддержку его деятельности Горьким [Пришвина 1977: 138].

Далее, в сложные моменты жизни Пришвин неоднократно предполагал уход из литературы, из «литературного тупика» [Пришвина 1977: 277] в (при)усадебное хозяйство, вспоминая при этом и А.А. Фета. Более того, хозяйственные работы по дому и саду давали Пришвину мысли для творчества; в его дневниках Валерия Дмитриевна находит и приводит мысли относительно благотворной силы обустройства на земле, о родстве сада, рая, бессмертия [Пришвина 1977: 144] и т.п. Усадьба стала идеальным местом для работы, источником творческой силы для четы Пришвиных.

Однако Валерия Дмитриевна также показывает, что при всей тесноте взаимосвязей между писательством и усадебостроением в ряде аспектов это явления мало того что не взаимодополняющие (сад не мог заменить Пришвину литературную работу: «Окапывали малину, яблони, вырубали колья для малины. Вычистил и привел в порядок гараж, инструменты. Но ничего, даже весь цвет, вся радость весны не могут мне дать сами по себе удовлетворения, если я сам не отвечу записью своих образов или мыслей» [Пришвина 1977: 274]), а взаимоисключающие. Она приводит, например, такие слова из дневника: «Так все сошлось в одну точку: узел моей работы <...>, узел дачного строительства и узел весны, — одно исключает другое» [Пришвина 1977: 72]. Пришвину «не по сердцу» была и работа по саду Валерии Дмитриевны, он берег ее силы, берег их время для работы. И все же ценил ее труд, результаты этого труда, поэтизировал их (например, жасмин, выросший «из нашей любви» [Пришвина 1977: 129]); «снисходительно» делал «усадебные» подарки: еловую аллею, определитель растений. Это были проявления любви, поскольку Валерия Дмитриевна любила сад, работала в нем и как садовник, и как литератор: это была ее среда обитания, «зеленый фон жизни», а еще убежище, где она «зарывала в землю мысль о скором, всегда грозившем, неизбежном расставании» [Пришвина 1977: 142]. С одной стороны, она признавалась, что после ухода Михаила Михайловича жалела, что уделяла саду, хозяйству много времени, которое могла бы приложить к книгам в помощь мужу. С другой стороны, сад стал живой памятью, «существенной деталью мемориальной усадьбы М.М. Пришвина» [Пришвина 1977: 142].

Собственно, и сама усадьба является живой памятью о Пришвине. Валерия Дмитриевна в книге уделяет много внимания предметному миру, вещам, но постольку, поскольку они являются отражением «личного вкуса, настроения души, образа мыслей и образа жизни обитающего в нем [доме. — М.Ф.] человека» [Пришвина 1977: 310]. Пришвина пишет, что «почти каждый в доме предмет может явиться поводом для прочтения какой-либо выразительной цитаты из дневника писателя» [Пришвина 1977: 316], «опоэтизирующей <...> записи» [Пришвина 1977: 37]. «Всякая мелочь дунинского быта или пейзажа овеяна мыслью Михаила Михайловича» [Пришвина 1977: 326], и «нет для Пришвина “мелочей”! Все полно многообразия и смысла <...> сердечного внимания <...> радостного ощущения всеобщности, ответственности и связи» [Пришвина 1977: 327].

Вещи оказываются безмолвными свидетелями событий из жизни своих хозяев — прошлых или нынешних. Валерия Дмитриевна отмечает, что «в дунинский дом пришли вещи, служившие <...> в трудной обстановке эвакуации [например, кровать из ящиков. — М.Ф.]. Что-то <...> привезли из городской <...> квартиры, казавшееся там лишним либо, наоборот, особо дорогое по воспоминаниям. Что-то полезное и даже интересное нашли <...> в самом доме и на чердаке, брошенном жившими здесь раньше людьми [например, кровать Пришвина, оставшуюся от солдат, оборонявших Москву, электрический звонок, сохранившийся в доме “от прежнего времени” [Пришвина 1977: 317], и пр. — М.Ф.]. Что-то привезли друзья» [Пришвина 1977: 312]. Сама она привезла в дом кусок бархатной «коноваловской» скатерти из столовой особняка на Большой Никитской, где она работала в детском приюте после революции: этот кусок ткани «прожил со мной всю мою последующую жизнь и до сих пор сохраняется в Дунине. При разных обстоятельствах работал на нем и М.М. Пришвин, что видно по чернильным пятнам на нем. Глядя на этот старый бархат, я иногда думаю, что какой-нибудь внук Коноваловых, увезенный маленьким ребенком бежавшими за границу родителями и ничего не помнящий о родине, придет с экскурсией и попадет случайно в Дунино. Он войдет в скромный дом писателя, скользнет глазами по скатерти с ее характерным плетеньем, виденным им в детстве и начисто забытым, и что-то дрогнет в сердце как смутное воспоминание, но что? И он уедет чем-то растроганный и будет говорить, что домик в Дунине и дух его хозяина оживляют чувство родины. Он не узнает, что ключом к этому чувству было не слово Пришвина, не ландшафт подмосковной природы, а кусок старой скатерти, виденной им в детстве и забытой... Может ли так случиться? И если может, то вот в чем живая сила вещей и для чего мы подчас их храним с такой любовью...» [Пришвина 2002: 504]. Пришвины ощущают вещи живыми. Про знакомство с упомянутым особняком № 43-а по Большой Никитской Валерия Дмитриевна пишет: «Дом стоял необитаемым всю зиму и смотрел на меня огромными зеркальными окнами без переплетов, холодно и безразлично. Хозяин его, крупный промышленник и министр Временного правительства Коновалов, бежал за границу. Дом, казалось, неохотно впускал новых хозяев: замок поддавался с трудом» («Невидимый град») [Пришвина 2002: 142–143]. Пришвину также было свойственно «особое содружество не только с человеком, не только с животными, но и с самой материей — с вещами, ему служившими, сохранение им верности и благодарности» [Пришвина 1977: 312], будь то корзина для бумаг или автомашина с ласковым именем «Маша» [Пришвина 1977: 315]. «Вещи эти начинают жить здесь, каждая со своим собственным настроением, историей, смыслом, и в то же время все они теперь взаимно объединены душой их хозяина <...> Для Пришвина его дунинский дом, окружавшие его вещи — это не был мир разорванных кусков материи, а некое существенное духовно-материальное единство природы <...> Вещи обладают удивительным свойством: существуя рядом с человеком и служа ему, они постепенно одушевляются от человека, больше того, они служат духовной связи поколений. Вот почему мы должны внимательно и бережно вглядываться в мир вещей, остающихся от ушедшего из жизни человека, в мир переживших его свидетелей...» [Пришвина 1977: 36; 312]. Любопытно, что такое отношение и после ухода Пришвина продолжало формировать усадебный образ. Валерия Дмитриевна приводит в пример проект забора, который «сочинялся всем

“комитетом” [дунинского дома. — М.Ф.]: «Это были секции из штакетника, соединенные на их стыках столбами, на каждом из столбов была крышечка или “домик” из двух наклонно поставленных, как две карты, дощечек. “Домики” бежали вниз по склону участка лестницей, и поэтому весь забор, казалось, был вовлечен в непрерывное веселое движение. Так нам казалось, и действительно, в этом было что-то от настроения Михаила Михайловича» [Пришвина 1977: 304].

Размышления Валерии Дмитриевны о вещах ложатся в основу апологии мемориальных музеев. Она приводит выдержки из книги отзывов, свидетельствующие о большой воспитательной, терапевтической роли дома Пришвина, притягивающей сюда людей. Для многих именно посещение места становилось отправной точкой для чтения, постижения творчества и личности Пришвина. А для знакомых с творчеством писателя Дунино давало возможность «проникнуться настроением и духом Пришвина и глубже проникнуть в его творчество» [Пришвина 1977: 302]. Как бы то ни было, посещение места оказывается незаменимым. «<...> смысл и ценность всякого мемориального музея <...> как места сохранения всего материального, что окружало ушедшего из жизни творческого человека (к этому “материальному” следует отнести не только вещи, рукописи, картины, книги, но даже и самих оставшихся его друзей, учеников, продолжателей, исследователей) <...> состоит в восстановлении и сохранении личности человека, сохранении духовного богатства, которым он украсил и углубил нашу жизнь. Необходимо торопиться с этим <...> В наш небывалый век с его удивительными открытиями в науке, поисками новых форм в общественных отношениях жизнь превращается в неудержимый поток <...> в этой быстроте легко может потонуть память о прошлом, оборваться драгоценные связи между поколениями — утратиться так называемое историческое наследие и преемственность. А нам оно насущно необходимо, оно нас питает, в нем плод многовекового труда отцов наших и дедов. Заповедник природы и мемориал быта — это и есть копилка опыта и школа жизни для новых людей в их новом созидательном труде и творчестве» [Пришвина 1977: 302–303].

Обосновав необходимость существования мемориальных музеев, Пришвина излагает свой взгляд на то, какими они должны быть. Разумеется, важными свойствами являются подлинность, мемориальность, заповедность. Валерия Дмитриевна постоянно подчеркивает, что в Дунине жизнь идет по заветам и указаниям, оставленным Пришвиным [Пришвина 1977: 308]. Все в доме «как было при хозяине» [Пришвина 1977: 144], и любое отхождение от этого она скрупулезно фиксирует, будь то мемориальная доска у входа или бюст Пришвина работы скульптора С.А. Лоика — «единственная вещь, прибавившаяся к обстановке комнаты [столовой. — М.Ф.] после кончины Пришвина» [Пришвина 1977: 317]. Но не менее важным Валерия Дмитриевна считает то, что место сохранило «ощущение уюта и душевного тепла — сохраненной в доме жизни» [Пришвина 1977: 310]. Предметный ряд (например, библиотека) в нем живет и неуклонно пополняется «живой жизнью» [Пришвина 1977: 319]. Посетителей она называет «новые люди, гости наши» [Пришвина 1977: 81]. Продолжаются литературная работа, встречи с людьми, хозяйственные хлопоты — и «все вместе становилось самой жизнью во всем ее многообразии: жизнь Пришвина продолжалась» [Пришвина 1977: 301]. «Постепенно нащупываются и осуществляются у нас новые формы работы. Сама жизнь выводит сейчас мемориальные дома на новую ступень их быта: мы убеждаемся на опыте, что они должны становиться научными лабораториями,

творческими центрами, где развивается мысль писателя, а не только местом показа комнат, фотографий и вещей [Пришвина 1977: 305–306]», — размышляет Пришвина. И когда работа устроена таким образом, она ладится, обязательно происходят «необъяснимые случаи совпадения» [Пришвина 1981: 222], необыкновенные встречи, обратная связь. Валерия Дмитриевна приводит в пример случай, когда она после смерти Пришвина пыталась прояснить личность фотографа П.П. Ползунова, а на следующий день Дунино посетила его дочь [Пришвина 1981: 222]. Аналогично сборник «Незабудки» и дунинские дневники Пришвина, вошедшие фрагментарно в 5-й и 6-й тома собрания сочинений, «привлекли в Дунино новых посетителей, среди которых оказались новые помощники и новые друзья нашего дела» [Пришвина 1977: 309].

Пришвина показывает мудрость жизни, предусматривающей все паче чаяний человека. В пример она приводит само преобразование дачи в мемориальный музей, которое, несмотря на большую проделанную работу, все же было относительно стихийным, народным, как и мечтал Пришвин. Дом недолго стоял «осиротевшим» [Пришвина 1977: 301]. Вскоре появились посетители, из числа которых сформировалась сама собой группа активистов («комитет»). «Сами читатели Пришвина создают его мемориальный дом и заповедник природы» [Пришвина 1977: 302]. И заглавные слова «наш дом» получают новое смысловое наполнение. Кроме того, само время работало на музей, на актуализацию творчества Пришвина.

Отдельно необходимо сказать и об образе «нашего дома» в фотографическом искусстве. Валерия Дмитриевна глубоко анализирует интерес Пришвина к фотографии и призывает воспринимать ее прежде всего «как широкое и свободное размышление об искусстве, творчестве, о самой жизни автора» [Пришвина 1981: 218], как орудие его «родственного внимания» («глубокого фокуса») к жизни, каждой ее «мелочи» как проявлению целого [Пришвина 1981: 235–237], как один из многих «путей-подходов» [Пришвина 1981: 219], входов в природу и жизнь, как своеобразную «записную книжку» [Пришвина 1977: 198], а также как искусство, помимо автора вскрывающее красоту бытия [Пришвина 1981: 237]. Фотоискусство, таким образом, и реалистично, и субъективно. Отношение Валерии Дмитриевны к фотографии также было двойственным. С одной стороны, фотографии сохраняют визуальный образ «спутников и свидетелей жизни нашей», которые «быстро уходят» [Пришвина 1977: 13]; с другой стороны, она признается, что «фотографии остаются все такие разные» [Пришвина 1977: 13], это разнообразие не всегда возможно привести к единому образу. Поэтому она стремится словесно описать людей, предметы, явления, какими они ей запомнились. Фотографии становятся вспомогательным средством создания образа, важным в наступившую визуальную эпоху. Фотографии Валерии Дмитриевны существуют в контексте ее прозы. Их объединяет полная гармония природы и человека, ярко выраженное любовное чувство к объекту съемки (фотографии «М.М. Пришвин на главной дорожке дунинской усадьбы», «М.М. Пришвин с записной книжкой в саду», «М.М. Пришвин с пойнтером Кадо в лесу»). Символично, что оба издания книги «Наш дом» открывает фотография М.М. Пришвина с любимым сеттером Жалькой в окне дунинского дома.

Библиографический список

1. Богданова О.А. Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // *Mundo Eslavo*. — 2020. — № 19. — С. 89–102.

2. *Кнорре Е.Ю.* Мотив возвращения в утраченную усадьбу в дневниках и художественной прозе М.М. Пришвина // Русская классика. Вып. II: Фет. Чехов. Пастернак. Пришвин: Сб. научных статей / Сост. и ред. А.В. Святославский. — М.: Древлехранилище, 2021. — С. 379–389.

3. *Константинова Е.Ю.* «Вечно любить мир и не умирать в нем». Путь к творчеству дома в произведениях М. Пришвина, М. Булгакова, В. Набокова 1918–1930 гг. // Национальный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей XX века. Материалы международной научной заочной конференции. — Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. — С. 223–228.

4. *Пришвин М.М., Пришвина В.Д.* Мы с тобой (Дневник любви). — СПб.: Росток, 2003. — 254 с.

5. *Пришвина В.Д.* Круг жизни: очерки о М.М. Пришвине. — М.: Художественная литература, 1981. — 239 с.

6. *Пришвина В.Д.* Наш дом. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 334 с.

7. *Пришвина В.Д.* Невидимый град. — М.: Молодая гвардия, 2002. — 528 с.

References

1. *Bogdanova O.A.* Russkaja literaturnaja usad'ba XIX–XX vv.: teoreticheskij aspekt issledovanij [Russian Literary Estate of the XIX–XX Centuries: Theoretical Aspect of Research]. *Mundo Eslavo*, no. 19, 2020, pp. 89–102. (In Russ.)

2. *Knorre E.Ju.* Motiv vozvrashhenija v utrachennuju usad'bu v dnevnikaх i hudozhestvennoj proze M.M. Prishvina [The Motive of Returning to the Lost Estate in the Diaries and Fiction of M.M. Prishvin]. *Russkaja klassika. Vypusk II: Fet. Chehov. Pasternak. Prishvin: Sbornik nauchnyh statej* [Russian classics. Issue II: Fet. Chekhov. Parsnips. Prishvin: Collection of scientific articles], comp. and ed. A.V. Svjatoslavskij. Moscow, Drevlehranilishhe Publ., 2021, pp. 379–389. (In Russ.)

3. *Konstantinova E.Ju.* “Vечно ljubit' mir i ne umirat' v nem”. Put' k tvorčestvu doma v proizvedenijah M. Prishvina, M. Bulgakova, V. Nabokova 1918–1930 gg. [“To Love the World Forever and Not to Die in It”. The Path to Creativity at Home in the Works of M. Prishvin, M. Bulgakov, V. Nabokov 1918–1930]. *Nacional'nyj “Kosmo-Psiho-Logos” v hudozhestvennom mire pisatelej XX veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj zaochnoj konferencii* [National “Cosmo-Psycho-Logos” in the Artistic World of Writers of the Twentieth Century. Materials of the International Scientific Correspondence Conference]. ELEC, EGU im. I.A. Bunina Publ., 2013, pp. 223–228. (In Russ.)

4. *Prishvin M.M., Prishvina V.D.* Мы с тобой (Дневник любви) [We are with You (Diary of Love)]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2003. 254 p. (In Russ.)

5. *Prishvina V.D.* Kруг zhizni: ocherki o M.M. Prishvine [Circle of Life: Essays on M.M. Prishvin]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981. 239 p. (In Russ.)

6. *Prishvina V.D.* Nash dom [Our house]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1977. 334 p. (In Russ.)

7. *Prishvina V.D.* Nevidimyj grad [Invisible city]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2002. 528 p. (In Russ.)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья написана при поддержке Российского научного фонда.

Conflict of interests. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The article was written with the support of the Russian Science Foundation.